

Влага М.

Алатырь

Влада М.
Алатырь

«Автор»

2026

М. В.

Алатырь / В. М. — «Автор», 2026

Хилый отрок Еся пережил резню своего племени на Ивана Купалу. Теперь за его спиной богиня смерти, что нашептывает ему план мести и пробуждает в нем черную ненависть. История о дорогой игрушке Богини Зимы и Ночи, дающая возможность вытягивать нити жизни из тел своих обидчиков. История о княжестве, что пытается встать на ноги, пока ему постоянно кто-то ставит подножку. История о молодом колдуне, чье сердце постепенно остывает. И о том, можно ли согреть его снова.

© М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Великая Речка.	5
Глава 2. Ивана Купала.	11
Глава	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Влада М. Алатырь

Глава 1. Великая Речка.

Еся устремил взгляд вдаль. Высокие кроны хвойного леса стройным рядом раскинулись на берегу широкой реки. В самом лесу было тихо. Ни дикого животного у воды, ни дыма от пожара.

- Так и будешь, Еся, до начала Купалы в тени под деревом прятаться да на девок украдкой поглядывать?

Тучный парниша с рыжей всклоченной шевелюрой неуклюже привалился под крону дерева к своему другу. Лицо его было обсыпано веснушками, большие мясистые руки сплошь в ссадинах и рабочих мозолях. Он был взмокший и тяжело дышал. Пока добирался к реке по палящему солнцу, явно выбился из сил и, как только оказался в прохладной тени, облегченно выдохнул, взяв в рот сорванную под рукой травинку. Чуть дальше по склону, истоптанная тропа вела напрямую к берегу Великой реки, а там, смеясь и плескаясь, забавлялись девушки, приподнимая полы своих сарафанов, чтобы не намочить. Зрелище способно заворожить любого парня, даже подошедший рыжий друг невольно залюбовался. Однако мысли Еси были заняты совсем другим. Не ножки милых дам волновали, как бывает у юношей его возраста, а что-то совсем другое.

- Слухи уже ходят? - Обняв свои худые колени, он весь скрючился и сидел, прикусив ноготь на большом пальце. Его тревога улавливалась в этом душном, жарком воздухе.

- О дыме на той стороне? - Безучастно спросил друг, устремив неохотно свой взор с девочек на лес и обратно. - Да, слышал что-то такое. Но то лесные пожары говорят. Перун давно хорошего дождя не насылал на наши земли, даже урожай в этом году весь сохранить тяжело.

- А если нет?

- Если нет, то пусть Навь поглотит меня! - Ратибор посмеялся с собственной шутки, хлопая друга по плечу, но быстро затих, заметив, что Еся все также тревожен. - Ну в самом деле, Еся! Сегодня же праздник, мы его целый год ждали! Странно будет если ты и дальше продолжишь сидеть с такой кислой мордой.

Все Есю в округе считали странным. Много пересудов и осуждений выпало на его долю, поэтому он даже не обиделся на друга. С самого детства сидящий на травах да отварах многие удивлялись, как он вообще дожил до юношества. В его возрасте самое время дрова колоть да на охоту выходить, но Еся с трудом поднимает топор, а стрельба из лука у него ещё хуже. Потому и годен был только время от времени помогать своей матушке в готовке да по хозяйству. Парни одного с ним возраста не упускали возможности поиздеваться, пока никто постарше не видит. А вот девки его сторонились и, Еся был готов поспорить, что среди них не найдется той, кто хотя бы сегодня, в Купалу, возьмет его за руку и прыгнет через костер. С такой участью он уже давно смирился, потому вовсе не на девок смотрел, а по ту сторону берегов Великой речки.

Великая речка была широкой, шла из каких-то далеких пустых земель и шла в другие земли, но вовсе не пустые. Пусть на той стороне и раскинулся в лес, но уходил он далеко за горизонт и земли те принадлежали вредителям. Сколько Еся себя помнит он родился и вырос здесь, на берегу Великой речки, но отец рассказывал, что незадолго до рождения старшей сестры, всей общине пришлось бежать с тех земель, идти через длинный и темный лес, чтобы в конце концов переплыть реку и обосноваться на ее берегах.

Старейшина любит рассказывать эту историю и вспоминать о ней как о старой, затянувшейся ране. Обычно после этой истории взрослые уважительно просили старейшину не

пугать собравшуюся у костра молодежь, а самих девиц и юношей разгоняли спать. Только Еся в избе вздрагивал в ночи и прислушивался к шороху листвы. Никто никогда не хотел пересекать Великую речку и знать, что ждет по ту сторону и уж точно не хотел, чтобы недруги высадились на этих берегах.

- Как думаешь, если я предложу Ярославе сегодня попрыгать через костер вместе, она согласится? - Взгляд и мысли Ратибора были где-то явно далеко от тревог Есислава. Они начались на свежем ромашковом венке светлой головушки своей избранницы и кончались на кончиках ее пальцев.

- Скорее Ярило будет поднимать Луну, а Мара - солнце. Уверен, что сможешь перепрыгнуть? Ничего мешать не будет? - Со смешком ответил Еся, явно намекая на круглый живот друга. Ему определенно нужно отвлечься, ведь сегодня самый главный праздник в году для всех незамужних молодых людей. Парни будут открыто ухаживать, а девушки краснеть и хихикать. Если не подстроится под общие волнения и продолжит заикливаться только на своих, то к нему вообще подходить перестанут.

- Я хочу нарвать ей самых красивых цветов. Ты же сбегашь со мной в поле на закате, поможешь? Заодно и Венцеславе нарвешь, может она согласится прыгнуть с тобой разок.

Венцеслава была тайным объектом обожания Еси и самой красивой девушкой. За ней, наверное, постеснялся поухаживать только Есислав. Ратибор, в знак уважения к чувствам друга, даже не пытался. Да и пышные, светловолосые девушки нравились ему куда больше, чем высокие и статные с темной тугой косой. Для Еси Венцеслава была особенной. Такой она и являлась на самом деле. Внучка старейшины была умной, переняла очень много по хозяйству от матери и даже помогала в скотоводстве, а дедушка научил её многим рецептам для приготовления снадобий и отваров. Когда Есислав болеет, он с некоторым предвкушением ждет своего лекарства, ведь знает, что скорее всего оно приготовлено Венцеславой.

- Тогда встретимся там, - Как бы соглашаясь на просьбу друга говорит Есислав и встает, отряхиваясь. - Я обратно. Ты со мной?

- Ммм...Нет. Пожалуй, я посижу здесь ещё полюбуюсь красотами, - Еся был готов поспорить, что Ратибор имеет в виду вовсе не красивые виды, что открываются с этого склона, ведь его взгляд был прикован к девушкам. - А то я еле сбежал. Не люблю работать под палящим солнцем.

Еся отвлекать друга не стал, поднялся по склону и скрылся в березовой роще. Сквозь деревья на каменную тропу падали лучи июльского солнца и пели птицы. Парень замедлил шаг, разделяя этот момент спокойствия с природой. Шумной деревне он часто предпочитал шелест листьев и прохладный ветер. Пройдя через деревянные высокие ворота Есислав оказался в деревне, которую за пятнадцать лет изучил как свои двадцать пальцев. Продвигаясь по улице, заставленной избами, он знал, кто где живет, кто к кому и куда ходит в гости. Видит одни и те же лица. Кто-то здоровается с ним, кто-то предпочитает пройти мимо. Пусть мама и говорит, что это не вежливо, а здороваются Еся всегда вторым.

- Эй ты! А кто-то и вовсе предпочитает вместо приветствия неуважительно окликнуть. Еся узнал этот голос, вскинул глаза к небу, умоляя Богов избавить его от компании огромного любителя поиздеваться над ним. Момент был выбран удачно, ведь на улицах почти никого нет, вся суeta ближе к центру деревни, откуда идет густой дым с печей. Сейчас никто ему не поможет. Повернувшись, Еся посмотрел снизу вверх на огромную грудку мышц, а чуть выше, за толстой шеей скрывалось и довольное лицо.

Поймать свою жертву на безлюдной улице... Ещё бы не улыбаться от уха до уха - Подумалось Есиславу.

- И тебе привет, Богдан.

Пусть Богдан был выше и старше Еси на несколько лет, однако умом равнялся только на буйного козла, который бодался всякий раз, как зайдешь к нему в загон. Было крайне печально

и расточительно отдавать старшую сестру замуж за этого тупоголового пня. Но ещё более печальным для Есислава было породниться с ним и всю оставшуюся жизнь терпеть его издевательства. Мама говорит, что как только у Добравы и Богдана появятся свои дети, то он остепенится, но верится с трудом. Первым детским воспоминанием Еси было, как семилетний Богдан подходит сзади и окунает его в таз с ледяной водой, держа за шею, а потом вытаскивает и не давая вдохнуть полной грудью, окунает обратно.

Но в целом то неплохой парень. Работящий и сильный, рано начал ходить со взрослыми на охоту, уже после третьей принес жирного кролика. Да и сестру вроде как искренне любит, задаривает её подарками, бегают с ней на тайные встречи, хотя их симпатия уже ни для кого не секрет.

- Чего не у печей, Еся? Отлыниваешь? Плохо себя чувствуешь? Нужно освежить? - Богдан обхватил Есю вокруг шеи своей жилистой рукой, стоит ему приложить ещё немного усилий и тонкая шея хилого парня, кажется, хрустнет напополам.

В этой напускной заботе Есислав всегда слышал упреки и издевательства за его хилое тело и бесполезность. Особенно Богдан любил включать заботливого старшего брата в компании отца Есислава.

- Хочу поделиться с тобой радостной вестью, - Продолжил он, пока они шли дальше по улице. - Поскольку сегодня Купала, я утром навестил твоего отца. И угадай что? В этом году он дал мне благословение на брак с твоей сестрой. Свадьбу было решено справить в начале осени, когда сбор урожая кончится.

Когда-то это должно было случиться. Богдан уже два года ходил к отцу просить благословения, но по неизвестным Есе причинам, уходил с отказом. Есислав теплил надежду, что не быть Богдану мужем Добравы и что отец против. Но это было не так. И вот этот день настал. Теперь до свадьбы Богдан будет желанным гостем в их доме, что Есе совсем не нравилось. Ведь их изба это единственное место, куда Богдан не имел права заходить из-за установленных правил. Мужчина в этом племени не должен заходить в чужую избу. Исключением является только сватовство.

- Породнимся, будем вместе на охоту ходить, - Богдан продолжал издеваться. Еся никогда не ходил на охоту.

Под рассказы будущего родственничка о том увлекательном времени, когда им предстоит стать семьей, они дошли до большой и длинной избы. Оттуда пахло свежим хлебом и из двух дымниц шел черный дым, уходя в сторону капища, что было за деревней. В этой избе нет ничего кроме печей, столов и стульев. Здесь в дни праздников первую половину дня хлопотали женщины и девицы, а к вечеру подтягивались мужчины и дети. Помимо праздников здесь также отмечали свадьбы и рождение нового члена племени.

Есислав на подходе к избе уже догадался для чего Богдан прошел с ним аж до сюда. На широком крыльце стояла компания девиц. Они были немного старше тех, что у реки. Это девушки чей возраст уже подошел для свадьбы. Они помогали своим матушкам, чтобы научиться вести быт и хозяйство. Сегодня среди них стояла и Добрава.

- Ты Еся иди матушке помоги, - Сказал Богдан, хлопая парню по лопаткам. Еся был готов выплюнуть свои легкие от этого удара. - Да скажи, если спросит, что Добрава на капище ушла Богом почтение выразить.

О таком врать не следует. Но Еся замолчал это замечание, вбежал по ступенькам и юркнул мимо девушек в избу, в лицо ударил горячий воздух от печей.

Еся чувствовал себя неважно, находясь столько времени у растопленных углей. Наблюдал за хлебом, чтобы тот не подгорел. Вся изба была пропитана запахом выпечки и мяса. На фоне общей суеты Еся дожевывал лепешку и помогал до конца прибрать избу. Они вышли оттуда с

мамой, когда последние приготовления были окончены. Даже сухая уличная жара показалась Есе глотком свежего воздуха по сравнению с той духотой внутри.

- Твой отец сейчас придет, останься, - Робко сказала матушка, когда Еся встал со скамейки. Еся никогда не мог отказаться маме, поэтому с выражением великого мученика сел обратно. Его отец был очень важным человеком в племени, а потому всегда занятым. Пересекались они не так часто, потому что отец уходил на рассвете, а приходил, когда Еся уже спал. Но если случалось в деревне пройти мимо друг друга, то делали вид, что незнакомы. Ведь Еся никогда не здоровается первым, а отец, похоже, не считает нужным здороваться с таким как он.

Есе было десять лет, когда он почувствовал себя в настоящем кошмаре. Три дня глубоко в чаще заснеженного леса без еды и воды и все ради того, чтобы сделать из него настоящего мужика. Отец, как правая рука старейшины и, возможно, будущий глава племени, не готов был мириться с тем, что его сын родился слабаком, ведь это его личный позор. Однажды, когда в очередной раз он услышал пересуды об этом за своей спиной, он оставил сына в лесу. Есе было велено самостоятельно найти дорогу к деревне. Первое время Еся шел по копытам лошади на которой ускакал отец, но след быстро замело. Есю нашли без сознания недалеко от деревни. Тогда он чуть не умер, отморозил все конечности, до середины весны провалялся с лихорадкой.

После этого Еся затаил огромную обиду на своего отца в то время, как отец, неудовлетворенный тем, что сын сам с леса не пришел домой, продолжал его не замечать. И в этом молчании они уже очень много лет. До этого Еся изо всех сил старался: упражнялся с луком, с топором, отжимался. Но после перестал пытаться и надеется получить хоть какое-то внимание отца. Да и не нужно оно ему от человека, который оставил на верную смерть беспомощного ребенка.

Матушка же не теряла надежд примирить их, но каждый раз, когда заходил разговор, Еся был непреклонен.

- Мам, ты слышала слухи о дыме на той стороне? Говорят, что пару дней назад ночью видели над лесом...

Отец всегда делился с ней новостями и разговорами, что ходили по деревне. Он не раз следовал её советам. Может и на этот раз отец чем-то с ней поделился.

- Слышала, - Она кивнула. - Скорее всего у воды сухая трава подпалилась от солнца.

Из уст матушки это звучало убедительнее, чем из уст Ратибора, поэтому Еся почему-то сразу же ей поверил.

- Великая Речка защищает нас, - С благоговением сказала матушка, сжав под сарафаном свой Алатырь. Еся инстинктивно за ней повторил. - Наши *покровители* дадут нас в обиду.

Впервые в этот душный жаркий день в лицо Еси пахнул свежий ветерок, поднимая несколько взмокших прядок вверх, охлаждая вспотевший лоб. Парень посчитал это хорошим знаком. Боги слышат их. Они помогут.

- Матушка, я должен идти, - Сказал Еся какое-то время спустя. Отец так и не пришел, а Ратибор наверняка уже собрал все цветы с полянки и Есе останутся только жухлые. - Обещал Ратибору помочь.

- Да, что-то твой отец задерживается. Наверное, опять увлекся спорами со старейшиной. Тогда увидимся на празднике.

Еся кивнул. Выбежав за пределы деревни на просторное капище, в лицо ударили яркие лучи закатного солнца. И Еся ненадолго остановился, подставив под них свое лицо. Лучи с доброй теплотой гладили его щеки и на бледной болезненной коже проявлялся румянец. Еся верил, что таким образом Хорс, Бог Солнца и Покровитель Света, благословляет его. Только здесь, на этом священном месте, что выложено вокруг огромными валунами, Еся чувствовал себя собой. Только здесь, в тени огромных четырехметровых деревянных идолов, он чувствовал, что его понимают. Среди безмолвных статуй богов ему было спокойнее, чем с людьми.

Каждый житель по утрам приходил на капище, каждый праздник не обходился без жертвоприношений. Чаще всего это был баран или овца. Выбирали самых упитанных и мясистых, чтобы задобрить Богов. Особенно перед весной и в сезон сбора урожая.

Боги никогда не разговаривали с ним, но он будто всегда чувствовал их присутствие и поддержку. Еся мог просидеть на капище один, в единении с Богами, природой и тишиной весь день. Ему нравилось сидеть в тени статуи Мокошь, богини плодородия и ткачества, не думать ни о чем, лишь вести разговор в своей голове и думать, что вот-вот он услышит мягкий женский голос покровительницы судеб. Ему всегда нравилось представлять, что она нашепчет ему о том, какая судьба его ждет. Удастся ли ему завоевать сердце Венцеславы? Станет ли он хоть чуточку сильнее? Он ждал ответов, но богиня молчала. Только вера в то, что когда-то он услышит Богов, заставляла его приходить сюда и искренне надеяться.

Вот и сейчас Еся не смог пройти мимо капища. Здесь воздух был ощутимо легче. Последние лучи касались макушки статуи Перуна – он всегда последним провожал солнце. Обычно Есислав приходил к статуе Мокошь, но сегодня ноги сами повели его к богу грома и молний. Идол Перуна выглядел устрашающе. Это был могучий воин с длинной бородой. Его статуя единственная вырезана из темного дуба, потому что дуб – самое могущественное дерево среди лесов, как и Перун – самый могущественный среди богов. Отец всегда по утрам первым делом воздавал почести именно Перуну. Покровитель пантеона пугал Есю с самого детства, внушало трепет его всесилие. Но сейчас, стоя напротив него, в сердце не было тревоги. Прислонившись лбом к темной, холодной статуе, внутри была лишь искренняя и чистая просьба: *Защити и убереги нас. Всех.*

Есислав знал, что просить защиты и покровительства стоило у самого могущественного среди богов. Перун никогда не подводил их. Проливал дожди, если те задерживались, наводил вместе с ними беспокойство на Великую Речку, чтобы неприятели с той стороны даже не думали пересечь её.

Он защитит. Боги всегда слышат их. И всегда помогут.

По дороге к опушке Еся постарался переключить свое внимание на предстоящее гуляние. Никто не разделит его тревог сегодня и ему не стоило на них заикливаться. Он думал какие же цветы соберет для Венцеславы. Миновав охотничью избу в небольшой чаще, где хранилось все снаряжение, Еся вышел на тропинку к полю, там в высокой траве ходил Ратибор. - О, Еся, - Парень протянул пышный букет ромашек с колосьями, хвастаясь другу. - Как думаешь Ярославе понравится?

Букет был неплохим, но ромашки быстро вянут. Вряд ли они будут первой свежести, когда парни дойдут до костровища. Но расстраивать, а уж тем более задерживаться после сумерек не хотелось, поэтому Еся утвердительно кивнул. Лучше не оставаться в чаще после темноты.

Парень на скорую руку набрал аккуратный букет васильков. Аккуратный, как сама Венцеслава. Срывая каждый цветок, он представлял, как вручает букет ей, а Венцеслава заливаясь краской, принимает его и они за руку прыгают через костер. Пусть и понимал, что для такой сдержанной и статной девушки будет нехарактерно смущаться и строить глазки, но мечтать никогда не было вредно. А потом тайные встречи, помолвка и вот она уже его жена. Где-то примерно на моменте произношения клятвы в вечной любви перед богами, голос Ратибора выдернул Есислава из этих прекрасных грез:

- Костер уже разожгли, Еся. Вон, дым идет! Побежали скорее, а то все самое вкусное съедят!

Непонятно, торопился Ратибор к Ярославе или к роскошному столу, но к костровищу он бежал с такой скоростью, будто круглое пузо ему ничуть не мешало. Еся был готов выплюнуть свои легкие, пока пытался нагнать друга. Худые колени подгибались всякий раз, как он пытался

рвануть вперед. Не в силах даже окликнуть Ратибора, Есислав в итоге сдался и уперся руками в колени, жадно вбирая в глотку кислород.

Воздух без света солнца начал остывать. На смену испепеляющей жаре пришла знойная и ненавязчиво прохладная летняя ночь. В самый раз для Купалы. Всю ночь деревня будет веселиться и греться у большого костра, распевая песни, играя в салки, рассказывая истории. Еся любил вместе с детишками садиться на траву и слушать рассказы старейшины. Часто он вспоминает и рассказывает о тех днях, когда мир не знал двоеверия. Когда все могли свободно обмениваться дарами с другими общинами, когда парень из одной общины мчался на коне к девушке из другой. А теперь все раскиданы по разным уголкам Матери Земли и пытаются выжить. Да и неизвестно есть ли на свете хоть еще одно племя, которое осталось верным своим *истинным* богам. Старейшина любил уходить в рассуждения об этом. Единственное, что ему оставалось это жить глубоко в своей памяти о тех днях. И он готов был говорить и вспоминать до утра, пока всех не начнут созывать к речке, чтобы встретить рассвет, и чтобы девушки смогли погадать себе на суженого. В конце праздника они снимают свои венки, кидают их в речку и если те не утонут, то до следующей Купалы девушка точно выйдет замуж. Зрелище интересное не только девушкам, но и парням.

Еся же любил, укутавшись в свиту поверх рубахи смотреть, как спит Великая речка. Она как зеркало отражает все: небо, деревья, пролетающих птиц. И только рябь от кинутых венков ненавязчиво старается её разбудить.

Предвкушение веселья подтолкнуло Есислава вперед и он, не успев отдышаться, рванул мимо капища к месту праздника откуда уже слышался смех, разговоры, звук колокольчиков, трещёток и бубнов. В очаровательном хоре девушек он узнал знакомые мотивы его любимых песен. Лишь на мгновение ему показалось, что по ту сторону над кронами елей небольшая дымка рассеивалась от ветра, едва успев подняться.

В руке Еся сжимал букет васильков, который предназначался его любимой. И ничего больше этого его не волновало. Никогда еще он не чувствовал себя таким счастливым.

Глава 2. Ивана Купала.

Шум от разговоров, крики ребятишек и веселые песни создавали на поляне атмосферу настоящего праздника. Слева и справа дубовые столы под белой скатертью ломились от еды. Собираясь в небольшие компании, мужчины распивали медовухи, делились рассказами с охоты и рыбалки, громко гоготали. Их жены бесконечно суетились у столов, убегали в деревню и прибегали обратно с новой едой. Некоторые сидели на лавочке, сплетничая про своих мужей, раскрывая подробности семейной жизни. Детишки играли в салки, кричали и смеялись.

Один из мальчиков, резво минуя толпу, пробежал мимо Еси из-за чего парень отшатнулся и остановился. Улыбаясь, мальчик держал в руке аккуратный венок ромашек. Следом за ним пробежала девочка его возраста. Подразнивая её, он высоко задрал руку с венком вверх, а когда девочка приблизилась к нему и начала подпрыгивать, пытаясь дотянуться, он дернул её за длинную, упругую косу и снова убежал. Еся часто наблюдал, как мальчики так поступают с девочками. Мама говорит, что это означает симпатию. Но разве чтобы донести свою симпатию, обязательно дергать девочку за её прекрасную косу? Ей же будет больно...

Ратибора Еся потерял уже давно, ещё на подходе к капищу и потерял всякую надежду его найти, когда, оказавшись на празднике, потерялся в толпе сам. Друга стоило бы искать у столов, он наверняка захочет набить свой живот всем самым вкусным и ещё горячим, но сначала Еся должен показаться маме, чтобы она не переживала.

Матушку стоило искать по высокой и могучей фигуре отца. Среди деревенских жителей он выделялся ростом, широкой спиной и сильными руками. Достаточно складный и рельефный, чтобы просто пройти взглядом и не обратить внимания. Еся заметил отца почти сразу, а рядом с ним хрупкую и невысокую маму. Они напоминали молодую тонкую березку и огромный дуб, который защищает от непогоды. Родители стояли в компании двух мужиков и невысокого старичка с длинной бородой, он опирался на свою палку, немного скрючившись. Еся сразу узнал в нем старейшину. Вокруг витала тревога, парень считывал эту атмосферу по взволнованным лицам мужиков, которые о чем-то активно рассказывали и жестикулировали руками. Отец молча слушал, хмурил брови со сложенными на груди руками. Матушка тоже выглядела обеспокоенной. Разговор был не таким уж громким, гогот пьющих мужчин неподалеку заглушал его, только обрывки слов доносились до Еси, но он не мог связать их между собой.

- Привет, Еся.

Еся повернул голову за плечо, услышав знакомый голос. Хотя ему настолько редко доводилось его слышать, что потребовалось мгновение, чтобы понять кто к нему обратился. Это была Венцеслава. И при виде неё сердце подпрыгнуло, сделало кульбит, запаниковало и забегало в груди парня. Она шла в длинной белой рубахе, расшитой красными нитями. Орнаменты и вышивка были традиционно языческими. Сегодня в подобной одежде была каждая красавица. Также, как правило, голову каждой должен украшать венок из полевых цветов и листьев. Плетению этого украшения девушки посвящали целые ритуалы, тщательно подбирали цветы, заговаривали его, чтобы на гуляниях встретить свою судьбу или просто завлечь того, кто им нравится. Еся помнит красивый и пышный венок Венцеславы в том году, тогда вокруг нее крутилось так много ухажеров, и он просто смотрел со стороны. В этом году он надеялся подойти к ней первым, подарить букет и завоевать её внимание на всю ночь. Держать её за руку в хороде, касаться её распущенных волос. Но почему-то на Венцеславе не было венка, а волосы были заплетены в тугую темную косу.

- Отвар полыни помог тебе вчера уснуть? - В её руках было по прянику, один она ела сама, другой протянула Есе. - Бери.

Еся словно язык проглотил. Он не был готов вот так сталкиваться с Венцеславой, а уж тем более разговаривать с ней. Ему как минимум нужна была моральная подготовка, а сейчас,

смотря в её красивые темные глаза он даже губы разлепить не мог. Стук сердца в ушах заглушал даже голос собственного разума, который умолял выдавить из себя хоть какой-нибудь звук.

- Д-...да, помог... - Он посмотрел на пряник, что она ему протягивала и взял его подрагивающей рукой. Еся проглотил ком волнения, подступивший к горлу. - Спасибо.

Еся по пальцам мог пересчитать моменты, когда он вот так лично общался с Венцеславой. Обычно они махали друг другу, когда пересекались. Или перекидывались парой слов, когда мама заходила к старейшине за отварами. Такие моменты парень бережно складывал на полку своих самых сокровенных воспоминаний. А сегодняшний день, когда она стоит рядом с ним, жует пряник и не спешит отходить, он никогда не забудет и это воспоминание будет гореть ярче всех.

- Что за цветы? - Она посмотрела на букет васильков в руках Еси про который он успел уже позабыть. - Собрал для своей избранницы?

Паника Еси только усилилась. Нервный смех стал сам вырываться, он закусил его пряником, чтобы выиграть себе ещё немного времени и не показаться ей дурачком, который беспричинно смеется. Забегал глазами так, будто искал ответ.

- Ну-у... Не совсем, - Прожевав, ответил он с глупой улыбкой. - Это для... Для Добравы! Да! Сегодня отец благословил её и Богдана на свадьбу, и я вот хотел подарить цветы, поздравить.

Это было убедительно, Есислав. Ты молодец. - Он наконец мог слышать свой внутренний голос, да и тревога после такой убедительной лжи начала отступать.

"А как теперь я подарю его Венцеславе?" - Это была уже следующая мысль.

- Только найти её не могу, а цветы быстро завянут, - Неожиданно для себя затараторил он. - Поэтому подумал может ты его возьмешь? - Еся сначала мысленно отдал себя на растерзание волкам, а потом удивился собственной смелости. И воодушевился этим. Контраст эмоций в разгар паники был огромен. - В знак благодарности за отвар и пряник.

Венцеслава бесконечно долго молчала. А Еся чувствовал себя самым счастливым дурачком на свете. Даже если она откажет, назовет его странным, как делают это все и начнет его сторониться, он не расстроится. Сегодня он смог без дрожи в голосе поговорить с ней, смог побороть свой страх. Сегодня он в любом случае остается победителем.

- Ты не против если я сплету из него венок? - Спросила она и взяла букет из рук Еси.

Еся на мгновение замер, когда почувствовал прикосновение её мягких пальцев. Уши и щеки вспыхнули, живот завязался в тугий узел. Наверное, она почувствовала мелкую дрожь в его руках, но все это неважно. Потупив взгляд, он часто закивал и потоптался на месте, чувствуя твердую землю под ногами. Так он проверял вправду все это или сон.

- Спасибо. Не успела захватить свой.

- Почему? - Тихо поинтересовался Еся, подняв глаза на букет в её руках, она начала разделять его, чтобы сплести цветы в венок.

- Мы спешно вышли из дома. Пришел твой отец, а с ним ещё двое, - Венцеслава посмотрела в их сторону. Напряжение вокруг этой компании нарастало. - На закате мы ходили на берег Великой Речки. - Она перевела взгляд обратно на Есю, немного наклонилась к нему, чтобы никто не мог их подслушать и вполголоса сказала: - Чуть дальше по ту сторону в лесах эти двое увидели дым.

Еся почувствовал, как внутри всё похолодело. Дым на той стороне Великой Речки... Тревога и страх начали подступать. Он был готов найти любое оправдание этому дыму, лишь бы не думать о самом страшном. О том, что терзало его утром.

- Дым? - переспросил он, с трудом выталкивая слова сквозь сжавшееся горло. - Ты уверена?

Венцеслава кивнула, не отрывая взгляда от цветов, которые ловко перебирала пальцами. Её движения были точными, почти ритуальными - так она всегда работала с травами, зная, какой стебель куда направить, чтобы венок получился крепким и красивым.

- Я сама видела, Еся. Это был густой черный дым, как от костра.

Еся невольно обернулся в сторону реки. Даже отсюда, сквозь шум праздника и смех детей, он мог представить, как тёмная вода отражает багровые отблески чужого пламени. Великая Речка, всегда служившая защитой, вдруг показалась ему тонкой, ненадёжной преградой.

- А что на это сказали твой дедушка и мой отец?

- Твой отец сразу предположил, что это начались лесные пожары, - Продолжила Венцеслава, завязывая последний узел. - Сказал, что лето выдалось жарким и Перун редко посылает дожди. Лесные пожары всегда были и этот раз не исключение

Она подняла готовый венок к лицу, проверяя, ровно ли легли цветы. Потом, чуть помедлив, надела его на голову. Васильки обрамляли её тёмные волосы, делая взгляд ещё глубже, а лицо - ещё выразительнее.

Версия отца звучала разумно - лето и вправду выдалось знойным, дожди случались редко, а лесные пожары в дальних чащах не были чемто небывалым. Но всплывающий в памяти навязчивый сон не казался случайностью. Скорее предупреждением. Но чьим? Богов? Боги никогда не разговаривают с обычными смертными.

- Ты веришь моему отцу?

- Я хочу верить в лучшее, - Ответила она, тепло ему улыбнувшись. Её улыбка согрела, холодок страха внутри отступил. - Сегодня ведь Купала. Будет странно, если среди тех, кто веселится, я буду той, кто грустит и не улыбается.

- О, это точно будет странно. Ты говоришь с тем, кто все знает о том, как быть странным.

Венцеслава прикрыла рот ладонью. Еся был готов поклясться, что слышал от нее сдержанный смешок и увидев в его глазах это понимание, Венцеслава тихо рассмеялась. Еся никогда не слышал, как она смеялась. Чаще видел её серьезную или сосредоточенную, а ещё наблюдал за её спокойным выражением лица, когда она на заводи провожала закат, но никогда не видел её искреннюю улыбку и нежный смех. Кажется, Еся влюбился ещё сильнее. Каждый удар своего сердца он был готов отдать и каждую минуту, только чтобы любоваться ею дольше.

- Веселитесь? Это хорошо, - Матушка подошла незаметно. Она была немного уставшая, но все также мягко улыбалась. С самого утра она помогала с приготовлениями к празднику.

Еся глянул ей за спину. Обсуждения между отцом, двумя мужиками и старейшиной ещё продолжались, но у всех были более расслабленные лица, да и атмосфера располагала так, будто это просто будничная беседа.

- Почему не идете к костру? Похоже, там поют веселые песни.

- Я должна быть с дедушкой, - По голосу Венцеславы было слышно, что она бы очень хотела пойти развлекаться, но старейшина без неё, как без рук. Ему тяжело долгое время передвигаться самостоятельно.

- Я присмотрю за старейшиной, а вы бегите, - Она перевела взгляд на Есю и многозначительно улыбнулась. - Не давай Венцеславу в обиду, хорошо?

Еся вспыхнул, склонил голову почти до груди и, не в силах вымолвить ни слова, лишь закивал. Матушка ласково погладила его по плечу и удалилась. Он проводил её взглядом, посмотрел на Венцеславу. Её щеки едва заметно порозовели, она тоже смотрела ей вслед. На костровище заиграл веселый мотив купальской песни, девушка тут же переключилась, вытягивая шею в ту сторону.

- Это моя любимая песня, побежали скорее!

Сорвавшись с места, она подхватила его за руку и повела за собой. Они бежали, ловко минуя толпу, хотя Еся то и дело смотрел себе под ноги, чтобы не споткнуться. Было приятно

ощущать нежную ручку Венцеславы в своей руке. Её длинные пальцы не сильно сжимали его ладонь и этот момент будто был только для них двоих.

Люди ближе к костровищу становились более веселыми и оживленными. Здесь уже было больше ребятишек и молодежи. Праздник наполнялся новыми красками и звуками, словно живое полотно, сотканное из смеха, музыки и мерцания огня.

Костёр пылал во всю мощь - его языки пламени взмывали к небу, будто пытались дотянуться до первых звёзд, проступавших сквозь закатную дымку. Огненные блики плясали на лицах людей, придавая им таинственное, почти волшебное выражение. В свете костра даже самые привычные черты казались иными: глаза сияли ярче, улыбки становились шире, а тени, пляшущие вокруг, превращали обыденность в сказку.

Уже вовсю шёл хоровод. Девушки, украшенные венками из ромашек, васильков и полевых трав, кружились в плавном танце, их длинные рубахи развевались, создавая пёстрый вихрь красок. Парни, воодушевлённые медовухой и весельем, то и дело врывались в круг, пытаясь перехватить руку понравившейся девицы. Смех, возгласы, шуточные перепалки - всё сливалось в единый радостный гул, который разносился далеко за пределы поляны.

Неподалеку от костра ребята с бубнами, гусями и ложками в руках ловили ритм, заводили известную и любимую всеми песню в этих краях. Венцеслава ловко вклинилась с Есей в общий хоровод молодых людей. Он все еще держал её за руку. В детстве парень заворуженно смотрел, как ребята постарше в один голос поют купальские песни, хлопают в ладоши. Их тени от костра были длинными и плясали вместе с ними. А теперь он сам в этом волшебном хороводе.

*На Ивана, на Купала
Красна девица гадала
Где мой милый ненаглядный
Где ты лада моя*

Голоса девушек и парней слились в гармоничный хор. Еся знал слова, пел вместе со всеми, хлопал в такт ритму в унисон. Впервые он не чувствовал себя белой вороной, даже взгляды других стали снисходительнее. Жар от костра словно теплое дыхание домашней печки, создавал ощущение уюта и спокойствия.

*Закрывай калитку тихонько
Ночью праздник, да какой
Слышишь песен голос звонкий
Над кострами, над рекой
Все дороги засветились
Это было, не приснилось*

- Еся, вот ты где! Ну наконец-то! - Голос Ратибора послышался откуда-то сбоку. - Я уж думал ты сбежал! А ты не только не сбежал, так ещё и с Венцеславой здесь стоишь!

Раскрасневшийся и запыхавшийся друг вклинился рядом, чуть ли не сбив с ног Есю и парня, стоящего рядом с ним. В руках у него был огромный кусок пирога, он от него то и дело откусывал.

- Тише ты! - Прошипел Еся, приложив палец к губам. Ратибор был слишком громким, а момент слишком волшебным. Он наклонился к другу, пока Венцеслава и ребята вокруг при-танцовывали под бубны и ложки перед следующим куплетом. - Это ты сбежал между прочим!

- Извини, боялся не успеть к Ярославе. Вдруг ей подарил бы букет кто-то другой? - Зашептал друг. - Но я успел первый.

- Тогда что ты здесь делаешь? Почему не с ней?

- Я увидел вас с Венцеславой! - Радостно сказал он, похлопав Есю по плечу. - И пока она отошла похвастаться букетом подругам я подбежал к вам! Ты молодец, друг! Вот уж не думал, что ты в этом году все-таки сможешь к ней подойти!

Еся собирался с силами два долгих года. Два года на закате собирал букет васильков, ведь они лучше всего подходили к её глазам, два года сидел в стороне и смотрел, как другие парни преподносят ей ромашки. А они совсем не для нее.

Сегодня Мокошь сплела их нити, переплела судьбы и неизвестно завяжет ли она тугой узел. Что, если не судьба, свела их сегодня?

- Мы будем с Ярославой и её подругами у столов! Подходите после песни если что!

Еся проводил друга взглядом. Хоровод пошел вновь, становясь то уже, то шире. Они расцепляли руки, кружились, танцевали и возвращались снова в круг.

Погадай, мне нестрашно Видишь там, вдалеке Где - то папоротник в чаще И плывут венки по реке На Ивана, на Купала Красна девица гадала

- Как хорошо танцуешь, Еся! Так энергично и резво двигался. Похоже тебе весело, а?

Добрава с Богданом подошли к нему возле столов, когда Еся с Венцеславой взмоклие, уставшие и запыхавшиеся, осушали один стакан воды за другим. Сестра шла со своим женихом за руку. Лицо Богдана было ещё тупее, чем прежде. Наверное, ему было непривычно идти с Добравой за руку на виду у всех жителей деревни, ведь обычно их встречи были чем-то тайным и сокровенным. Тем, что не должны увидеть родители или друзья. Сестра несмотря на свой официальный статус невесты была одета также, как все остальные девушки. Пышный венок обрамлял её голову, туда были вплетены все возможные цветы и листья.

- Весело проводишь время в компании своей новой подруги? - От этого вопроса пахло также, как от просьбы мамы следить за тем, чтобы Венцеславу никто не обижал.

Еся поперхнулся водой. Закашлялся так сильно, что Богдану пришлось пару раз ударить его по лопаткам. Это помогло. Он глубоко вдохнул ртом, пуская воздух в свои легкие.

- Это... мы просто встретились, когда я подходил к матушке.

Добрава с улыбкой промывчала, уперла руки в боки и прошлась по Есе с Венцеславой оценивающим взглядом, как если бы оценивала, насколько хорошо они подходят друг другу.

- Я слышала, что ваш отец благословил вашу с Богданом свадьбу, поздравляю, - с легкой улыбкой сказала Венцеслава, чтобы разбавить неловкий момент.

- Да, спасибо! Но мог бы уж на годок пораньше это сделать! Почти самая последняя из подруг замуж выхожу. Думала так и буду в девках.

- А я думал так и буду жертвой домашнего избиения, - Буркнул Еся и получил глухой подзатыльник от Богдана позади.

- А ты Венцеслава? Да тебе поди и не до этого. Все с травами и отварами возишься. Даже с подругами тебя редко вижу.

Сердце Еси замерло. А что, если Венцеслава скажет, что ей кто-то нравится? Тогда все точно пропало.

- Ты права, - Она неловко усмехнулась. - Да и не нравится мне пока никто из деревенских.

- А наш Еська?

- Так! - Возразил звонко Еся. Неловко улыбаясь, он развернул Венцеславу за плечи и подтолкнул в сторону костра. На мгновение он заметил замешательство на лице девушки. - Венцеслава, ты иди, я скоро присоединюсь к тебе.

Добрава с широкой улыбкой помахала девушке, а потом замерла, увидев хмурый и недовольный взгляд брата. Еся сложил руки на груди, ожидая объяснений.

- Что? Я же помогаю тебе. Хотя, признаю, мы с Богданом сильно удивились, когда увидели тебя в хороводе, а когда рядом с тобой заметили Венцеславу, я готова поклясться, что в глазах Богдана промелькнула искорка гордости.

- Что? Никаких искорками там и не пахло! Это, наверное, отражение костра, - Вклинился Богдан.

Между ними началась безобидная перепалка, которая переходила на шутки и смех. Еся хотел уже оставить их и присоединиться к Венцеславе, но внимание привлекла суeta вдалеке за их спинами. Там, где за столами сидят взрослые, к отцу и старейшине подбежал молодой парень. Его одежда была испачкана, в некоторых местах порвана, волосы всклочены. Он будто вышел живым из схватки с диким зверем. В его глазах стоял чистый ужас, граничивший с безумием. Губы дрожали так сильно, что он вряд ли мог четко говорить. Вдалеке слышались раскаты грома.

Плохое предчувствие подтолкнуло Есю пойти разузнать в чем дело. Добрава и Богдан за разговором даже не заметили его ухода. Пока он шел, что-то другое продолжало тянуть его назад с мыслью о том, что он не должен этого знать, что пусть лучше отец со всем разберется сам. Как и всегда.

Купала, Ивана КупалаКупала, Ивана КупалаКупала, Ивана КупалаКупалаЭй - эй!Купала, Ивана КупалаКупала, Ивана КупалаКупала, Ивана КупалаКупалаЭй - эй!

Несколько взрослых подошли узнать, что случилось. Отец, обычно спокойный и сдержанный, казался очень мрачным. Пока все помогали парню подняться с травы, ведь ужас и страх, похоже придавливали его к земле, отец устремил взгляд на берег Великой Речки, где было темно и только лунный свет отражал водную гладь. Матушка, совсем побледневшая, прикрывала ладонью рот. В глазах у нее был почти тот же ужас и волнение.

- О-...они... они просят Вас... ст-...старейшина...

Приблизившись, до Еси начали долетать перешептывания взрослых.

- Нужно бежать в лес...

- Боги, защитите нас...

Он подошел, нежно положив руку матушке на плечо, её тело била мелкая дрожь. Еся нахмурился. Толпа плотно обступила парня, велось какое-то обсуждение и перешептывание, но никто не поддавался панике.

- Соберите любое оружие, которое только найдете, - Повернувшись к небольшой куче собравшихся, сказал отец. - Мы постараемся потянуть время. Бегите в лес, если мы не найдем мирного решения. Пока не нужно создавать панику.

Воздух, который так приятно грел все это время, который наполнял праздник уютом и спокойствием, внезапно стал холодным и отрешенным для Еси. Толпа начала разбредаться, несколько опытных охотников побежали в охотничий домик на краю леса, кто-то сбегал по склону в деревню, чтобы взять из кузницы молоты, топоры, из домов ножи и кочегарки. Никто из взрослых не паниковал, их действия были четкими и слаженными, будто они долгое время готовились к этому. Но в глазах у каждого Еся видел страх.

К Есе и матушке подошел отец. Он что-то прошептал маме на ухо, но Еся не расслышал, хоть и стоял близко. А потом, отец, обычно игнорирующий сына, перевел на него свой стальной и серьезный взгляд.

- Есислав, слушай меня внимательно, - Он положил руки на худые плечи парня. Еся проследил глазами за этим жестом. С каждой секундой страх и осознание серьезности ситуации внутри Еси нарастало. - Сейчас ты должен выполнить мою просьбу: защити маму и Добраву. Возьми любое оружие, которым можно защищаться.

- Пап... - Еся неуверенно поднял взгляд на отца. Это просьба лишь сильнее заставила страх впитаться в каждую клеточку его тела. - Что происходит?..

- Они здесь.

Гой Ярило, Гой Купала,Ваша очередь настала.Разгораются сердцаСловно угли купальца.Гори-гори ясно,Чтобы не погасло!Гори-гори ясно,Чтобы не погасло!

Широкая и надежная спина отца, которая всегда служила защитой и опорой их семьи, была как никогда напряжена. Он удалялся по склону в деревню со старейшиной, чтобы оттуда выйти на берег Великой Речки. Матушка без отца посыпалась, опустилась на скамью, тихо взывая к богам. Молния сверкнула за кронами деревьев. Скоро сюда дойдет дождь. Теплые краски сменились мрачным и беспокойным ожиданием. Еся широко распахивал из стороны в сторону, оттягивая волосы на своей голове. Животный страх обуздал его, мыслить здраво было сложно. А праздник у костра продолжался, играла веселая музыка, но шепот между толпой усиливался. И каждая фраза, долетающая до него, сводила с ума. Есе хотелось бежать к костру и кричать о том, что всем нужно бежать, спасаться.

- Мама, - Мимо Еси ветром пронеслась Добрава, опустилась перед матушкой на колени, аккуратно взяв её руки в свои. Сестра вопросительно заглянула ей в глаза. - Что случилось? На празднике кто-то шепчется о какой-то угрозе.

- О Боги, прошу вас, защитите моих детей! - Вместо ответа пролепетала мама и приложила ладони Добравы к своим губам.

- Где твой отец? - На Есю налетел Богдан, беспокойный, серьезный. Он сжал его плечи, чуть потряс, когда Еся никак не отреагировал на его вопрос. - Твой отец, Еся! Где он?!

- *Они здесь*, - Он потерянно посмотрел на Богдана. Смысл фразы, сказанной отцом, дошел до него в полной мере только сейчас. Еся расплакался, как ребенок. Крупные горошины слез покатались по лицу, стекая с подбородка - Они пришли нас...!

Богдан подумал, что пощечина поможет Есе прийти в чувство, поэтому шлепнул от души, чтоб наверняка. Он приложил ладонь к щеке, оглушенный ударом. Она неприятно горела, приводя парня в чувство.

- Твой. Отец. - С паузами переспросил Богдан. Его тон требовал ответа.

- Ушел со старейшиной к берегу Великой Речки, - Тихим хриплым голосом ответил Еся.

Долгие пару секунд лицо Богдана обрабатывало какую-то возникшую в его скудном уме идею.

- Пошли, - В его голосе была решимость. Он развернулся, не объясняя ничего.

- Что? Куда это вы собрались? - Добрава вскочила с колен, уперла руки в бока, хмуро перекидывала взгляд то на Есю, то на Богдана. Еся, если честно, и сам не понимал куда они собрались.

Богдан остановился. Неожиданно серьезное и хмурое выражение лица уже не делало его тупоголовым парнем в глазах Еси. Сейчас среди всех он единственный, чей ум остается холодным.

- Сама подумай: твой отец и старейшина пошли туда совершенно одни. В худшем случае никто не предупредит жителей о том, что нужно спастись.

- В...худшем...случае?... - Неуверенно переспросила Добрава. Кажется, до этого момента она даже и не думала о худшем случае.

- Ты же не думаешь, что они пересекли Великую Речку, чтобы попить с нами чай, - Ирония была здесь неуместна, Добрава не оценила.

Еся слушал Богдана и все больше понимал, что тот прав. Но уйти вдвоем сейчас это значит оставить маму и Добраву совершенно беззащитными. Вряд ли кто-то позаботится о них, если начнется паника. Мысленно Еся взвесил все за и против, поджилки затряслись, но сейчас не время отдавать себя в лапы страха. Хоть как-то он поможет своей семье и выполнит просьбу отца.

- Богдан, останься с мамой и Добравой. Я пойду один.

- Ты уверен?

- Я могу быстро бегать, хоть и недолго... И я буду менее заметен один, чем если нас будет двое, - Еся прошел мимо Богдана, остановился на мгновение за его спиной, чтобы вполголоса добавить: - Нельзя оставлять маму и Добраву. Они оба это понимали. Короткий кивок Богдана был для Еси многозначительнее словесного одобрения. Он сорвался с места, сбегая по тропинке с холма, в деревню. С замиранием сердца заметил, что музыка на костровище стихла. Еся остановился, обернулся, провожая счастье и веселье, что он испытал на этом празднике. Каким бы ни был сегодня исход, Купала была безвозвратно испорчена. Но он был благодарен Богам даже за этот короткий миг и возможность почувствовать себя главным героем сказок, которые рассказывала мама. Ветер порхнул в лицо, подталкивая идти дальше, не задерживаться.

Гой Купала, Гой Ярило. Солнце землю озарило. Коловрат поворотись, Жарче пламя разгорись. Гори-гори ясно, Чтобы не погасло! Гори-гори ясно, Чтобы не погасло! В темной деревне гудели голоса мужиков. Они хватали оружие, что могли унести и возвращались обратно. У

калитки Еся столкнулся с Ратибором, тот был не на шутку встревожен, держал в руке кочегарку, которую ему кто-то второпях пихнул в руки. - Может ты понимаешь, что, во имя всех Богов, здесь творится? Мимо пробежало несколько мужиков, Еся проследил взглядом за ними, потом приблизился к Ратибору. - Гости с того берега. Теперь Ратибор выглядел не на шутку напуганным. Сильнее сжал кочегарку в руке, осознавая, что только этим он сможет защищаться. Долго всматривался в ворота деревни, откуда можно было выйти к реке, а потом перевел недоверчивый взгляд на Есю.

- Значит все эти слухи про дым...

- Правда. - Перебил Еся, кивнув.

- И... Что теперь? - Растерянно спросил друг. Взгляд его был таким же потерянным.

Еся, что родился и вырос в этих краях, не знающий крови и убийств, пригретый теплым солнышком и прохладной водичкой, не испытывавший голод и жажду, которые вытягивали нитку жизни из тела, никогда не думал, что такой день действительно наступит. Рассказы о людях с того берега в детстве были не более, чем страшилкой на ночь. Некоторые люди не хотели и не любили вспоминать эти тяжелые времена. Говорили только, что приходилось бежать и не оглядываться через густые леса день и ночь. Еду и воду, они брали из под ног, останавливаться на ночлег было сложно. Преследователи отлавливали их по одному, резали словно свиней на убой. Многие потеряли своих друзей, родителей, возлюбленных, поэтому, не успевая углубиться в воспоминания, они чаще всего отмахивались и продолжали работать.

Внутреннее спокойствие и слаженные действия взрослых говорили о том, что все они были готовы. Ведь несмотря на то, что здесь они нашли тихое убежище, оно не отделило их от остального мира так надолго. Родители лишь хотели, чтобы все испытания, которые привели их сюда, не выпали на долю их детей.

Отец тоже этого хотел.

- Мой отец и старейшина пошли встретиться с ними. Я иду туда.

Еся уже хотел обойти Ратибора, чтобы как можно скорее выбежать из деревни. Но Ратибор шагнул в одну с ним сторону, преграждая путь. Еся подумал, что это случайность, но, когда это случилось снова, он вопросительно посмотрел на друга.

- Я пойду с тобой.

Дрожь его пухлых рук нарастала, но он крепко сжимал свое оружие, чтобы её унять. Время поджимало и Еся знал, что с Ратибором спорить бесполезно. Если он что-то сказал, то он сделает это, как его не отговаривай. Парень только глубоко вздохнул и коротко кивнул.

- Не отставай.

Выше леса, выше гор, Поднимайся наш костёр. Где разлила неба синь, Крылья жаркие раскинь. Гори-гори ясно, Чтобы не погасло! Гори-гори ясно, Чтобы не погасло!

Мрачная деревня казалась местом из кошмаров Еси. Абсолютно пустые улицы, мертвая тишина и темнота. В избах не горят свечи, из них не слышны приглушенные голоса. Из печей не валит густой дым. Время здесь будто остановилось, весь мир замер, пока Еся и Ратибор все ещё продолжали бежать.

В березовой роще, сквозь тонкие деревья Еся увидел множество огней от факелов на берегу. Он резко остановился, остановил Ратибора, который налетел на его руку. Друг кое-как поспедал за Есей и сейчас, упершись руками в колени, жадно дышал. Еся спешно соображал, где они смогут притаиться. Один он мог бы спрятаться за любым деревом и кустом, возможно, даже подобраться ближе. Вдвоем с Ратибором они смогут укрыться только за толстым дубом на склоне, под которым они сидели с утра. Он повернулся к другу, тот хмуро всматривался в силуэты у воды. Еся приложил палец к губам и первый спустился к дереву. Оказавшись за стволом, он мог слышать голоса. Чужие голоса. Ратибор прислонился к стволу дерева, облегченно выдохнув, но его тяжелое дыхание, которое выдавало страх, было громким. Еся прикрыл ему рот рукой и снова приложил палец к губам, призывая успокоиться.

- Кажется, мы прервали какой-то языческий праздник?

Выглянув из-за ствола, парень теперь мог разглядеть все, что происходит и рассмотреть каждого. На воде медленно из стороны в сторону покачивалось две лодки. Напротив отца и старейшины Еся насчитал двенадцать людей. Все они скрывали лица под капюшоном красного плаща, но факел, который они держали возле себя, позволял рассмотреть некоторые их черты. Среди них лишь двое, что были впереди, стояли без капюшона и морда одного показалась Есе омерзительной. Кривая улыбка на этой морде симпатии не добавляла. Лицо второго было непрошибаемо каменным.

- Зачем вы пришли? - Старейшина, прежде скрюченный и опирающийся на трость, выпрямил спину и гордо поднял подбородок.

- А то вы не знаете! - Еся впервые наглядно увидел что означает выражение лисья морда. Мужчина жеманно раскинул руки в стороны, его тон был полон яда и издевки. Хотя его и мужчиной не поворачивался язык назвать. Черты настолько выразительны, как у девки. Черные брови, ясно голубые глаза, что ярко отражали свет факелов и так сильно не подходили к его темным каштановым волосам. Все в нем было не так, все отторгало Есю, заставляло испытывать необъяснимую неприязнь. В ухе у незнакомца звякала серьга с каким-то голубым камнем.

- Выдайте нам ведьм и колдунов вашего племени, - Потребовал второй из них. Его рука покоилась на рукояти меча, готовая в любой момент обнажить холодное лезвие. Он выглядел гораздо мощнее и сильнее этого плута рядом с ним, из-за чего внушал Есе тревогу за отца. Быть может, в честном бою отец одолел бы его, но не когда сзади стоят ещё десять человек, а рядом с ним этот юркий лис.

Эти двое напомнили Есе лиса и медведя. Медведь огромный сильный, но спокойный зверь. Пока его не тронешь он не нападет. Чего не скажешь о лисе. Ему нужно быть везде и всюду, чтобы внимание всех было приковано только к нему.

- В нашем племени нет ведьм и колдунов, - Твердо ответил отец. Еся не видел его выражения лица, они со старейшиной стояли к нему спиной.

- Выдайте нам их, откажитесь от идолов и примите христианство. Это не просьба, - Лис поводил пальцем в сторону. - Это приказ. Да будет вам известно, что вы живете на землях Радонежского Княжества, где только одна вера, один Бог и нет места нечисти.

Его голос звучал звонко, захотелось ударить его по морде, чтоб заткнулся. Их слова казались бредом умалишенных. О колдунах Еся слышал только в маминых сказках. Они могли превращаться в птиц и животных, могли видеть будущее и сражаться с врагами, заимствуя силу Богов. Но все это лишь сказки.

- Новый князь милостив. Он пощадит вас, если вы согласитесь жить по законам его земель, - Кажется, что высокий и широкий медведь, в отличии от своего товарища, пытался нормально вести переговоры.

Отец и старейшина ни за что не согласятся! - Подумал Еся.

Он не понимал о каких ведьмах и колдунах идет речь, но отказаться от Богов и сжечь капища... никогда! Никто из жителей не примет навязанную им веру, это только оттолкнет. Боги и рассказы о их подвигах вызвали уважение и благоговение не только среди взрослых, также и среди молодежи. Но откровенности ради, страх мучительной смерти, Есю пугал гораздо сильнее.

Почему бы им просто не уйти с этих земель? Ответ на вопрос пришел сразу же: их нигде не примут.

- Мы можем согласиться на это, чтобы выжить, - Начал старейшина. - Вы поставите храм поклонения вашему Богу и наведете здесь свои порядки, - Он вскинул указательный палец. - Но пусть даже на шее вы затынете кресты, под сердцем каждого будет храниться Алатырь.

- Что-ж... - Медведь вытащил меч из ножен. Оружие с громким лязгом поддалось и легло ему в руку. - Приму это, как отказ.

- У-у-у... - Протянул лис, с ухмылкой закатывая глаза. - Умирать из-за веры это так старомодно.

Медведь приближался, а Еся долбил по коре лихорадочно думая, почему же отца будто к земле пригвоздило и он ничего не делает. Почему же он просто стоит и ждет неизбежного? Он же сильный. Сильнее всех здесь! Если умрет он, то в эту ночь здесь точно никому не выжить.

- Еся...

Голос Ратибора разрезал тишину вокруг. Еся уже успел позабыть, что друг все это время прятался за деревом с ним. На глаза ему попалась кочегарка в руках Ратибора и Еся подумал, что это хорошая возможность отвлечь внимание на себя. Взяв из рук друга оружие, он на мгновение поднял взгляд на него. Ратибор с открытым ртом всматривался в небо, а в отражении его глаз Еся увидел огонь.

- Еся, смотри...

Выше леса, выше гор, Поднимайся наш костёр. Где разлита неба синь, Крылья жаркие раскинь. Гори-гори ясно, Чтобы не погасло! Гори-гори ясно, Чтобы не погасло!

Еся замер с оружием в руке. За березовой рощей огромные языки пламени разгорались над домами, поднимаясь черным дымом в небо. Над красным пожаром сверкнула молния через синие тучи. Деревня горела. Деревянные дома, словно дрова для печи, разгорались быстро, в этом им помогал нарастающий ветер.

Получается, что они даже не планировали оставлять их всех в живых сегодня. Говоря отцу и старейшине, что помилуют их, они просто игрались.

Тело отца безвольно шлепнулось на песок к тому моменту, как Еся снова посмотрел на берег. Его кровь капала с острого меча, белая рубашка ею напивалась. Старейшина медленно осел на колени, хватаясь за грудь. Он опустил голову к коленям и больше не двигался.

Время растянулось. Каждый миг впивался в сознание острой иглой. Отца больше нет. Звуки отделились, Есю будто чем-то оглушили. В ушах был только ветер, но и он не мог привести парня в чувство. Громко шелестели листья старого дуба, предупреждая об опасности, но Еся был глух к их предостережениям. Даже сердце, что бешено колотилось, уже не от страха, а от подступающей ярости, не могло до него достучаться.

Отец мертв. Они все сегодня умрут.

- Еся, нужно уходить... - Друг потряс его за плечо, пытаясь привести его в чувство. - Если мы не уйдем, то... - Ратибор, до этого не высывавшийся, увидел, что творится на берегу. Сглотнул подступившую панику. - Ты ничем уже не сможешь им помочь.

Ратибору пришлось утаскивать Есю обратно в березовую рощу. На берегу были люди с оружием и в деревне их наверняка не меньше. Но путь через неё единственный к костровищу, откуда слышались звуки битвы и пронзительные женские крики. Гром раздался прямо у них над головами. Перун пришел помочь им.

- А колдуны, похоже, здесь и впрямь есть, - Сказал лис всматриваясь в плотные кучерявые тучи. За ними то и дело вспыхивала молния. - Распогодилось не на шутку, - Не услышав никакого ответа от товарища, он посмотрел на него. Тот вытирал красным плащом кровь со своего клинка с весьма скверным выражением, похожим на сожаление. - Златан, очень мерзкое выражение лица, заканчивай.

Лис повернулся к остальным дружинникам.

- Не забудьте: если колдун или ведьма как-то выдадут себя - берите живыми. Деревню сожгите дотла. Остальных *убейте*.

Пламя хлещет и ревет. Будет весел хоровод. Гой Купала, Гой Ярила. Ваша слава - ваша сила.

Гори-гори ясно, Чтобы не погасло! Гори-гори ясно, Чтобы не погасло!

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.